

Н.В. Ласкова (Ростов-на-Дону)

ШОТЛАНДЦЫ НА СЛУЖБЕ У ЛЖЕДМИТРИЕВ В РОССИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

НАЧАЛО ПРОНИКНОВЕНИЯ уроженцев Шотландии в русское государство не было добровольным актом — в подавляющем большинстве случаев шотландцы оказывались в Московии в качестве военнопленных, захваченных в ходе Ливонской войны. Включенные в состав русского войска, они, можно сказать, стояли у истоков практики привлечения иноземцев на русскую службу. В начале XVII столетия, именуемого в русской истории Смутным временем, как никогда ранее проявилось участие иноземцев в развитии государственной политики России. Шотландцы тоже не остались в стороне. Их представители оставили свой след как в стремительно менявшейся придворной обстановке, так и в военных операциях, являющихся неотъемлемой частью данного исторического периода.

Наиболее престижное положение занимали царские телохранители-иностранцы. Лжедмитрий I, венчанию на царство которого предшествовало немало трагических событий, в течение своего кратковременного правления демонстрировал, как и его предшественник, особое покровительство иноземцам.

Вопреки распространенному мнению о ненадежности иностранных наемников, до тех пор, пока наниматели соблюдали договор и вовремя оплачивали их услуги, «немцы» редко изменяли. Следует заметить, что иноземцы подали севшему на московский трон Дмитрию челобитную только тогда, как Боярская дума и весь русский приказной и служилый люд уже ему присягнули¹. Новый царь оценил верность иноземных офицеров, хвалил их за преданность прежнему государю: «и сказал он им также, что если они будут служить ему даже и не лучше, чем они служили его

врагу, то и тогда он им будет больше доверять, чем своим московитам»². В июне 1605 г. большинство военных «немцев» было снова зачислено на царскую службу.

Был момент, когда с целью вызвать к себе большее расположение со стороны московитов Лжедмитрий I попытался распустить иноземцев, в большом количестве окружавших его особу. Однако совсем скоро пожалел об этом³.

«Предчувствуя близкую опасность», все больше исходящую от явно проявлявшегося «недоверия русских», в январе 1606 г. он сформировал для себя личную охрану из состоящих на русской службе 300 иностранцев⁴. При этом самозванец оставил при себе многих из прежних царских телохранителей, «испытав их храбрость и искусство воинское в битвах, которые они выдержали против него под знаменем Годунова»⁵.

Подробное описание царских телохранителей-иноземцев осталось в записках иностранных авторов-современников. Первую сотню копейщиков возглавлял француз — капитан Яков Маржерет. Вторую сотню алебардщиков — лифляндец из Курляндии Матвей Кнутсон. Во главе третьей сотни, тоже алебардщиков, стоял шотландец Альберт Вандтман (Вандеман, Ланта, Лантон). Первая сотня состояла из французов, вторая — из англичан, третью же формировали шотландцы. Каждое из названных подразделений отличалось особой формой одежды и вооружением. Шотландцы носили штаны и камзол фиолетового сукна с обшивкой из зеленого бархата, а рукава были выполнены из зеленой камки. Их алебарды с двух сторон украшал царский герб⁶.

Следует отметить, что если в описаниях одежды и определении национального состава сотен можно обнаружить несоответствия, то в отношении уровня материального обеспечения и престижа этих телохранителей авторы-современники высказываются на редкость единодушно. Иностранная охрана была «щедро одарена» и «весьма возвышена», «исправно» получала «жалование более чем прочие войска», капитаны «были пожалованы деревнями и землями и сверх того получали большое жалование»⁷. Данное обстоятельство не только удивляло, но и настораживало московских вельмож, усматривавших в нововведении Дмитрия недоверие к себе: «Очевидно, что царь нас не любит и нам не верит»⁸. Неудивительно, что после смерти Лжедмитрия I многие

из его телохранителей, особенно командиры сотен, вынуждены были покинуть Москву. Если о дальнейшей судьбе француза Маржерета более-менее известно, то о шотландце Альберте Вандтмане сообщается лишь в Хронике Буссова. Автор обращает внимание на примечательную деталь — в Москве капитана-шотландца «обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше»⁹.

По сведениям Буссова, после убийства Лжедмитрия I весной 1606 г. «господин Скотницкий» вместе с Мариной Мнишек и избранным кругом польских вельмож был отправлен «на заключение» в Ярославль и Ростов. Уже в 1607 г. он находился в Калуге в составе войска Ивана Болотникова, а после перехода Болотникова в Тулу Скотницкий остался воеводой калужским. В ноябре 1607 г. он успешно руководил обороной Калуги во время очередной осады города воеводами Василия Шуйского. С приходом Лжедмитрия II шотландец сохранил свою должность. Однако через некоторое время с «воеводства» он был смещен и «впал в немилость, ибо отказался идти против польского короля». Его место занял лицемерный шляхтич Казимир, который «с поляками был истым поляком, а с русскими — истым русским». В конце концов, опала закончилась для Скотницкого насильственной смертью. Шотландец, сам того не ведая, оказался жертвой интриг нового калужского воеводы, которому удалось выставить своего предшественника бесчестным изменником в глазах Лжедмитрия II. Казимир передал самозванцу адресованное Скотницкому письмо от гетмана Рожинского, который предлагал опальному шотландцу «сплотить вокруг себя всех поляков, которые были на заставах в Калужском крае», с их помощью схватить самозванца и перевезти его обратно в Тушино. Текст письма настолько возмутил Лжедмитрия, что он в ярости поклялся, «что если Бог поможет ему сесть на свой престол, он не оставит в живых ни одного иноземца, даже младенца в утробе матери». И, «не расследовав дела и не учинив допроса, приказал палачу и его подручным взять ночью Скотницкого, отвести его к реке Оке и спустить его под лед». Последними словами несчастного шотландца, тщетно пытавшегося выяснить, в чем его вина, были: «Если такова награда за то, что я в течение двух лет так преданно служил и выдержал такую тяжкую осаду, то да сжалится надо мной господь!». После смерти Скотницкого «у его жены и детей было отнято все, что они имели»¹⁰.

Пребывание на русской службе в первом десятилетии XVII в. еще одного шотландца — Дэвида Гилберта — во многом походило на карьеру его соотечественника Альберта Вандтмана. Однако в отличие от последнего, этот солдат фортуны оказался более удачлив и даже через несколько лет смог вернуться на родину.

Типичный «образчик тогдашних кондотьеров»¹¹ шотландец Дэвид Гилберт вместе с уже упоминавшимся капитаном Яковом Маржеретом и другими иноземцами был принят на русскую военную службу дьяком Афанасием Ивановичем Власьевым в 1601 г. При Лжедмитрии I этот шотландец входил в число государевых иностранцев-телохранителей, исполняя, по всей видимости, обязанности начальника караула. По словам Гилберта незадолго до смерти самозванцу было два видения — призрак старика. Шотландский капитан, возглавлявший караул той ночью, был первым, с кем поделился своими опасениями Лжедмитрий. Гилберт также находился в карауле непосредственно в день исполнения заговора и «со многими из стражей, захваченных совершенно врасплох» бежал в Калугу¹². Вполне вероятно, что там он находился вместе с Альбертом Вандтманом.

Шотландцу, лично хорошо знавшему Лжедмитрия I, нетрудно было убедиться в обмане. Он сразу отметил, что новый русский царь отличался от своего предшественника «как день от ночи», и смог неоднократно убедиться в том, что эта «несхожесть» сознательно игнорируется имевшими свои определенные интересы поляками.

В дальнейшем Гилберту пришлось испытать на собственном опыте проявление опалы, которой подверглись «немцы» после бегства самозванца в Калугу. Упрекая иноземцев в предательстве и переходе на сторону поляков, Лжедмитрий II «стал злейшим врагом немцев»¹³. Дэвид Гилберт был одним из 52 иностранцев, козельских немцев, которых летом 1610 г. по необоснованному подозрению в измене, без допроса, подобно недавнему инциденту со Скотницким, Лжедмитрий II приказал утопить в Оке. И только заступничество Марины Мнишек, ее напоминание о том, как Лжедмитрий II «раскаивался в казни воеводы Скотницкого, когда обнаружилась его невиновность»¹⁴, заставили самозванца помиловать иноземцев.

Дальнейшая служба шотландца проходила уже под знаменами Станислава Жолкевского, гетмана Речи Посполитой. Попад

в плен к русским, он несколько лет находился под арестом. Но в 1617 г. русский царь благодаря личной просьбе «брата нашего любительного Якуба»¹⁵ (т. е. английского короля Джеймса I. — *Н. Л.*), отпустил шотландца на родину.

Таким образом, в лихие годы русской Смуты, даже будучи востребованными в обществе благодаря богатому опыту военной и придворной службы, иностранцы зачастую в полной мере испытывали на себе переменчивость фортуны, опасаясь не только за свое благополучие, но, порою, и за свою жизнь.

¹ Черникова Т.В. Московское царство и европейские «новшества» в начале Смутного времени // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2016. № 1. С. 21.

² Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 108.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1990. Т. XI. С. 245.

⁴ Буссов К. Указ. соч. С. 112.

⁵ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. Т. VIII. С. 420.

⁶ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: ОГИЗ — Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. С. 118; Буссов К. Указ. соч. С. 112; Steuart A.F. Scottish influences in Russian History. From the End of the 16th century to the beginning of the 19th century. Glasgow: Maclehose, 1913. P. 23.

⁷ Записки де Ту // Сказание современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1831. С. 153; Буссов К. Указ. соч. С. 112; Масса И. Указ. соч. С. 118.

⁸ Борова Летопись Московская (1584–1612) // Сказание современников о Димитрии Самозванце. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1831. С. 67.

⁹ Буссов К. Указ. соч. С. 112.

¹⁰ Там же. С. 26, 112, 148, 151, 164.

¹¹ Первые сорок лет сношений между Россией и Англиею 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. С. 73.

¹² Milton J. A brief History of Moscovia and of other less-known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. London: Blackamore, 1929. P. 72.

¹³ Буссов К. Указ. соч. С. 163.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Московия или известия о Московии по открытиям английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев, также и другие малоизвестные страны, лежащие на востоке от России до самого Китая, недавно в разное время открытые русскими. Сочинение Джона Мильтона. Перевод и примечания Ю.В. Толстого // ЧОИДР. 1874. Кн. III. С. 73.